

Независимая газ. — 1995. — 15 нояб. — с.7.

ПОПЫТКА ВОЗВРАТИТЬ ДОЛГИ

Не удалось тогда, может, удастся теперь?

Михаил Карпов

Память

ЮЛИЙ ДАНИЭЛЬ был ранен на войне. А контузил его мир. Тот самый, в толстовском написании. Наверное, я подсознательно это ощущал всегда. Иначе с чего было заманиваться на очерк его жизни в «Огоньке»? Моднo было? И это, наверное, не миновало. Только, когда чухнулся, было поздно.

Юлий Даниэль умирал. С кухни, с известной московской кухни, его вторая жена и сын — Ирина Павловна и Саня — меня не гнали. Даже когда он — знаками верно — о чем-то попросил. Саня пошел к нему — читать! Слушать Юлий Даниэль мог до смертного часа.

Потом я попытался что-то написать. Оттащил в «Огонек». Уже коротковещный. Тут-то и началось. Помогаи все кому не лень. Соавтора какого-то, из литсекретарей поэтических, подсунули. Этого-то псевдонимом, естественно, русским, прикрылся. А мне пришлось под текст, обрезанный — хоть и русским — «этот резник знает дело, он работал в ПТУ» — свое имя ставить. И не жалею, не зову — но плачу. По Юлию Даниэлю.

Не знаю почему, но с детства помню самиздат. Помню зеленые почему-то листки верстки «Ракового корпуса» в «Новом мире», которые от меня родители прятали. Прятали много. В том числе ответы на вопросы. С тех пор и ишу эти самые ответы. За что, однако, родителям благодарен.

Отвечать «правильно» научился быстро. Почему родители «Известия» вместо «Правды» выписывают? Так они же беспартийные! А потом пришел День открытых убийств. Не знаю, убил ли хоть одного фашиста Юлий Даниэль. Но его, ветерана Великой Отечественной, отечество убивало. За творчество. Верней, пыталось. И всех к тому призывало. Даже нас, школьников.

...Соавтор с русским псевдонимом оказался бойким. Собранные мною материалы — в основном беседы с людьми, близко знавшими Юлиа Даниэля, — остались невостребованными. Короче, текст стал в основном непотребным цитатником гинзбургской «Белой книги», да еще без ссылок на источник. За что и было дано по «Свободе» по задам обоим. Я обиделся. Как же. Такую публикацию пробили! Но там-то, на «Свободе», давно знали всю правду, а здесь еще не всю: Юлий Даниэль за то жизнь положил, а вы...?

...Гроб выносили, было морозно. Ни на кладбище, ни на поминки заявиться я не посмел. Соавтор попробовал наставить: «...чего там!» Да не по чину берешь! Одно дело с босой головой рядом с Ириной Уваровой и Санькой Даниэлем. Другое — не чокаясь в той компании, что писала, протестуя, и протестовала, пища, помянуть человека, до уровня таланта и мужества которого ты только надеешься дотянуться. Там же те самые «за Петра и за Наташку, за Ларису Богораз».

Счастьем было уже то, что от университетского преподавателя, который тебе пять поставил за неистовых ревнителей, Шаину «Белую книгу» получить. Хоть на время. А из рук Ирины Павловны — сочинение Абрама Терца и Николая Аржака.

Юлий Даниэль писал стихи. Но все норовил вернуться в отечество. За какое-то прозу почитал.

Мученик? Как всякий пишущий. Талант? Как всякий, с любовью зачатый. Неудачник? Да! Бог каждому. Внешнее его малю волновало? Взгляните на старые фотографии. Как ни крути, вопросов больше, чем ответов.

Правильно, наверное, кое-что все же припомнить. Не до конца отданные долги только соавторов не тревожат. Начнем с творческого вечера — с вечера воспоминаний.

28.09.89.

Бenedикт Сарнов:

...В зале человек сто, тут было такое огороженное пространство — скамья подсудимых. Я увидел Юлика и как-то так вот сделал скорбное лицо, и глазами дал ему понять, что я его узнал. Потом многие с ним здоровались — за руку. Пожимали ему руку, и всё. Мне до сих пор стыдно, что я этого не сделал. Ну, во-первых, я испугался, естественно, и продолжал путаться на протяжении всего моего пребывания на этом суде. А во-вторых, у меня засела в башке какая-то очень глупая мысль: мы уже затевали все вот эти письма и разные попытки заступничества. Я помню даже замечательную фразу, которую мне сказал Аркадий Белинков: «Какое счастье, что мы должны заступаться за хороших писателей». Ведь если бы они были плохими, мы бы все равно за них заступались, но как хорошо, что они настоящие, хорошие писатели...

Даниэль был великолепен. Он был великолепен не только потому, что держался мужественно и твердо, но и потому, что он был очень находчив. У него была просто какая-то спортивная реакция на председательствующего. А это был не простой человек, этот Лев Николаевич Смирнин. Он с покушением на интеллигентность вел процесс...

А вот что за год до этого — еще при жизни Юлиа Даниэля — говорила Наталья Яковлевна Раппопорт, дочь репрессированного по Делу врачей кремлевского ме-

филя Готье. Он говорил, что это было очень изысканно — сидеть в одиночке во Владимирской тюрьме и переводить Готье. Французского он не знал, вообще всегда переводил с подстрочника. Но у него были совершенно блистательные переводы. Он мне читал свои переводы шотландцев, а параллельно я смотрела переводы Маршака. Маршак, казалось бы, совершенство, но переводы Даниэля лучше маршаковских. Может быть, тут играло роль, что даниэлевские я слушала с голоса... Он блестяще читал стихи, очень много их знал, он просто фонтанировал поэзией. Переводчик он от Бога.

...Даниэль появился у нас в доме, наверное, году в 72-ом. Он получил разрешение, не отбыв полного срока ссылки, жить в Москве, женившись на Ирине Уваровой. Тут как раз у Ирины появилась маленькая внучка, и он ее нянчил. Он выходил с ней во двор и сидел абсолютно отрешенный всегда. А еще смешно было — ребяташки, шушукаясь, говорили: а вы знаете, у нас в доме скрывается Даниэль!

Он очень трудно шел на контакты. Когда я его впервые увидела, я умирала, конечно, от любопытства, хотела с ним познакомиться. Он сидел, читал Зоценко и качал эту коляску. Я попыталась с ним в разговор вступить, но номер не прошел. И прошло после этого, наверное, еще довольно много времени — несколько лет.

Однажды я его встретила, он шел, буквально еле волоча ноги, был очень сильный мороз, а он всегда очень мерз. Лагерное наследство... В общем, видно было, что ему страшно плохо, и я спросила, в чем дело? Он сказал, что он с похорон друга и забыл ключ. Впервые поговорили...

А вот, через шесть дней после смерти Юлиа Даниэля, беседа с его поделником и с ангелом хранителем последнего (она же — ведьма):

Андрей Синявский: ...Дело в том, что мы связаны с Даниэлем не просто дружескими отношениями, а более глубокими и более прочными. Эти отношения прошли определенную проверку, даже своего рода экзамены — мы же были вместе в течение многих лет... Я не помню точно, когда Даниэль начал, а немножко раньше его начал заниматься вот этой — особой — литературой. И я, и Даниэль понимали, что это, по-видимому, кончатся тюрьмой. И шли на это. Это, конечно, нас очень сблизило. У нас дружба была прежде всего на литературной основе. То, что за этим последовало, только укрепляло дружбу и показывало, что мыслим мы одинаково или, во всяком случае, близко. Одинаково понимаем литературу, ее задачи...

Даниэль держался на суде великолепно. Ведь его очень долго в КГБ уговаривали, чтобы он на меня вину свалил... Поскольку я начинал первым, потом ему рассказал, он тоже захотел пойти аналогичным путем. В общем, у него была возможность отвертеться. Сказать, что Синявский больше виноват, что он меня уговорил... Даниэль не пошел ни на какие уступки.

Мария Розанова: А как он бросился на суде тебе на помощь!.. Синявского предал один из его старых друзей и ценой предательства практически купил себе свободу... И Даниэля предал, и еще нескольких человек. Был у него один такой друг — Ремизов. Он пошел навстречу КГБ и остался вне этого дела, на скамье подсудимых третьим не сидел. Когда на суде Даниэль увидел, что Ремизов сваливает всю вину на Синявского, он просто вскочил, просто подпрыгнул, перебил судью и стал требовать, чтобы ему дали возможность задать вопрос. Ему дали, и Даниэль стал своими вопросами загонять предателя в угол. Потом Даниэля председательствующий «выключил», из-за того, что Даниэль поставил вопросы лучше, острее и актуальнее, чем адвокат... Причем его ведь судят, и он понимает, что от его поведения зависит срок. Не заступись он за Синявского, может быть, ему дали бы не пять лет, а меньше — ведь масса возможностей есть давить на человека. Даниэль ни на какое такое давление не только не поддавался, а сам бросался вперед и старался взять побольше на себя...

А.С.: В лагере Даниэлю пришлось труднее, чем мне, потому что у него осколок был в руке, а его поставили на очень тяжелую работу — разгружать уголь. В результате у него вскрылась рана, осколок этот вышел... Начальство сказало, что он сам расковырял себе рану и никакого осколка не было. Даниэль возмутился, ну и попал в БУР. А попадая в БУР, уже как бы открываешь дальнейший, более тяжелый путь... Значит, станут периодически сажать в БУР. После лагеря наши отношения оставались прежними — самыми крепкими, самыми близкими. И в эмиграции он меня несколько раз поддержал: в одном споре внутриэмигрантском Даниэль из Москвы выступил на моей стороне...

Снова отмотаем назад. 27.11.88

Галина Андреевна Белая:

Я получила телеграмму, в которой меня вызывали в институт. Я жила в Перово, у меня не было телефона. Я поняла сразу, о чем идет речь. Мы этого ждали, потому что кампания, свист этот нарастал, улюлюканье нарастало... Надо сказать, что телеграмма пришла, когда уже был вынесен приговор. Я не помню почему, но я — это уже чисто психология, — надела свое самое красивое платье, самые красивые серьги, взяла у мамы какую-то бирюзовую шаль

и уехала. В институте я встретила одного сотрудника, тоже беспартийного, как и я. И еще была одна беспартийная женщина. Я говорю: а где вот такая-то? (не хочу называть фамилию). Оказывается, такая-то в уборной спряталась: Я, говорит, женщина слабая, еще чего-нибудь погнису, потом себя уважать не буду; мой брат, Володя Корнилов, мне руки не подаст... И мы остались вдвоем. Сотрудник мне говорит, что будем делать? Я говорю: не будем ничего подписывать, это же ясно! Он говорит: конечно!

Теперь послушаем жену, Ирину Павловну Уварову и сына Александра Даниэля. Сентябрь 88-го

И.У.: Год после армии он был в Москве. Демобилизовался он в 45-м.

А.Д.: После ранения он был в госпитале. В 44-м его ранило на подступах к Восточной Пруссии.

И.У.: Он так и не знает, был ли он в Литве или был уже за границей.

А.Д.: Призван он был в 42-м, на фронт попал в 43-м. Начал он, по-моему, где-то в Корсунь-Шевченковской операции. Потом их часть перебросили на Юг. Он был в Молдавии и в Румынии. Потом опять был переброшен на Белорусский фронт, который тоже вел операции в Литве и Восточной Пруссии. И там был уже ранен. Автоматной очередью прошло обе руки. Он был в пехоте — сначала связистом, потом автоматчиком. Есть у него медаль «За отвагу», ну и какие-то обычные медали...

И.У.: Этому он никогда не придавал значения. Если мы отвлекемся немного и поговорим про личность Юлиа, то я хотела бы сказать одну вещь. Мобилизован он был мальчишкой, не кончившим школы. Его взяли в саратовское училище. Их там учили в 42-м году команде: «От кавалерии закройсь!» Он быстро понял, какую подготовку получает, и отказался кончать это училище, сказав: «Я не возьму на себя как офицер ответственность за жизнь людей». Это сказал мальчик. Его должны были отправить под трибунал, но как-то ему повезло... Юлий всегда считал, что он очень везучий человек. Его отправили просто на передовую. Он был рядовым...

А.Д.: Вначале связистом, потом автоматчиком.

И.У.: После госпиталя он побыл в Москве, а потом поступил в Харьковский университет. Проучился год. Там родственники были. Он-то москвич, но как-то все не складывалось у него в Москве...

А.Д.: Отец его умер в 40-м году, а мать была жива. Она умерла в 60-м.

И.У.: Юлий стал там, в Харькове, абсолютно своим, приобщился к украинской культуре... Когда он, например, узнал, что «Заповит» Шевченко я читала в переводе, то ужасно рассердился. Немыслимо же читать Шевченко в переводе! Для него украинская культура была высоким и важным делом.

А.Д.: Он приехал в Харьков, не зная ни одного украинского слова. Ходило множество легенд про то, как он сдавал украинский язык. «Чи розмовляєте на українській мові?» На что он, довольно долго подумав, ответил: «Ні!» На экзамене по украинскому языку, вступительном... Но взяли — фронтовик...

И.У.: Юлий Маркович опасался сенсационности вокруг своего имени и излишних бурных контактов. Ему просто этого всего не надо было. А когда на улице подходили люди и говорили: вы Даниэль? позволяйте пожать вашу руку, он терялся. В лаборатории иммунитета, пока я подсчитываю, сколько там лейкоцитов, какая-то старушка встает и говорит: «Вы Даниэль?» Он отвечает: «Да». «Позвольте пожать вашу руку!» Вот это было то, чего человеку скромному, деликатному и тактичному надо было опасаться. А вовсе не того, что кто-то один возьмет и слиняет из зала суда. Это редкий случай был.

А.Д.: Это действительно редкость, и отец не принимал, по-моему, эти случаи близко к сердцу. Слинял и слинял, ну и черт с ним. Такая у него была реакция. Из близких людей, из близких друзей потерь не было.

И.У.: Напротив, обретения огромные...

А.Д.: Когда он был в лагере, количество корреспондентов, которые ему писали, было невероятным... Далеко не все люди, которые писали, потом остались в близком кругу общения. Но когда он отсидел, множество людей ему писало постоянно. Это его, конечно, очень поддерживало.

И.У.: У меня долго хранилась открытка с цветочком к какому-то празднику. Со словами: «Поэт, желаю вам скорее встретиться с вашей семьей». И литовская подпись, без адреса.

Это знак абсолютной солидарности. Не сочувствие или что-то еще: просто каждый так или иначе говорил — мы с тобой одной крови...

Теперь, наверное, можно сказать далеко не последнее. Соавторам и фразерам, которые газет не читают и в ящики не плятятся. Юлиа Даниэля спрашивали: «Как ты можешь смотреть по телеку все эти бесконечные съезды?» «А, интересно», — был ответ.

Ему было интересно. Если нам интересна его жизнь и творчество, штилем высоким выражаясь, то, может, долги свои не преуменьшаем, но хоть чуточку сквитываем?

122 107